

УДК 811: (161.1 + 512.3)
DOI 10.17223/18137083/63/13

М. Г. Шкуропацкая¹, У. Даваа²

¹ *Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. В. М. Шукшина, Бийск*
² *Ховдский государственный университет, Монголия*

Языковая картина мира как отражение национальной ментальности (на материале зоонимов в русском и монгольском языках)*

Представлены результаты сопоставительного анализа фрагментов двух национальных языковых картин мира: монгольской и русской. Языковая картина мира рассматривается нами в качестве лингвоментального компонента речевого мышления, опосредующего процесс порождения текста определенного типового качества. Таким образом, исследовательский интерес переносится с вопросов внутритекстовой организации к проблемам текстопорождения и текстовосприятия. В качестве параметров, лежащих в основе вариативности глубинной организации речемыслительной деятельности языковой личности, в исследовании рассматриваются референтная отнесенность, метареферентная отнесенность и модальная отнесенность языковой картины мира. Поставленная цель достигается путем анкетирования носителей русского и монгольского языков с последующим описанием полученного языкового материала – ассоциативных полей слов тематической группы «Домашние животные». Полученные результаты свидетельствуют о значимых различиях в национальных языковых картинах мира по выделенным параметрам.

Ключевые слова: языковая картина мира, языковая личность, русский язык, монгольский язык, ассоциативные поля слов, домашние животные.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 16-04-00189 «Языковая картина мира монгольского и русского языков: сопоставительное исследование»

Шкуропацкая Марина Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина (ул. Короленко, 53, Бийск, 659333, Россия; marina-shkuropac@mail.ru)

Даваа Ундармаа – ассистент кафедры русского и английского языков Ховдского государственного университета (Жаргалант самон, 3, Ховд, 84153, Монголия; undaraa_0720@yahoo.com)

Введение

В статье представлены результаты сопоставительного изучения фрагментов двух национальных языковых картин мира, содержащих два национальных его образа – образ мира носителей монгольского и русского языков. Поставленная цель достигается путем анкетирования носителей данных языков с последующим описанием полученного языкового материала – ассоциативных полей слов, относящихся к тематической группе «Домашние животные». В анкетировании приняли участие носители русского и монгольского языков, в основном студенты гуманитарных факультетов Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина (г. Бийск, Россия) в количестве ста человек и Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) в количестве восьмидесяти человек, а также двадцать жителей сельского Ховдского аймака (Монголия).

Теоретические предпосылки исследования

Ключевым для нашего исследования является понятие «национальная языковая картина мира», которое в лингвистике имеет разные статусы и зависит от исходных теоретических установок исследователя, на которые он опирается при анализе конкретной национальной языковой картины мира. Как известно, понятие языковой картины мира (далее – ЯКМ) восходит к идее В. фон Гумбольдта о том, что язык представляет собой промежуточный мир между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Каждый язык обладает собственным мировидением, характер которого зависит от особенностей мироощущения говорящего на данном языке народа. «Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [Гумбольдт, 1985, с. 349]. Мысли Гумбольдта о роли языка в мировосприятии говорящего на нем народа были поддержаны и развиты как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике. Последователи В. Гумбольдта подчеркивали национальное своеобразие мирозидательной способности языка. По мнению Л. Вайсгербера, «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» (см.: [Радченко, 1997, с. 250]).

На том же тезисе построена гипотеза Сепира – Уорфа, в основе которой лежит убеждение, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка: каждый язык отражает действительность свойственным только ему способом, и следовательно, языки различаются своими картинами мира (см.: [Уорф, 1960]). Данная идея на протяжении XX столетия разрабатывалась и дополнялась в работах целого ряда зарубежных ученых: Л. Вайсгербера, Дж. Кэррола, Д. Хаймса и др.

В отечественном языкознании идея о существовании ЯКМ не подвергалась сомнению, однако подчеркивалось, что любой язык есть результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир. ЯКМ – это вся совокупность представлений и знаний человека об окружающем мире, запечатленная в его сознании и в языке (см.: [Апресян, 1995; Караулов, 1976; Одинцова, 1991; Серебренников, 1988; Кибрик, 1990; Яковлева, 1994] и др.). По мнению современных лингвоантропологов, язык не творит мир, а лишь отражает процесс его познания человеком. «Мышление выступает посредником между миром и язы-

ком. Язык – форма хранения знаний о мире (эпистемическая функция) и средство получения нового знания о мире (познавательная, или когнитивная, функция). Эпистемическая функция связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека), а познавательная – с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуется структура и динамика мысли), то есть языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и далее, хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса» [Кибрик, 1990, с. 604].

Таким образом, ЯКМ является отчужденным объективным миром, поскольку объективная действительность отображается вторичной материальной знаковой системой – языком. ЯКМ национально специфична, но в общем плане (функциональном и понятийном) она типична для всех языков. Иначе люди не имели бы возможности понимать друг друга. Точно так же, как у каждого носителя языка, ЯКМ имеет свои индивидуальные особенности, в которых отражается его индивидуальный речевой опыт. Поэтому каждый человек в процессе свой речевой деятельности способен творить новое, собственное, однако в соответствии с нормами развития коммуникативной и познавательной функции своего родного языка (или какого-либо другого конкретного языка). Поэтому и эти индивидуальные особенности речевой деятельности в своей обобщенной форме являются типичными для носителей языка. В этом проявляется диалектика общего и особенного в устройстве и функционировании языков (и ЯКМ).

Все перечисленные характеристики ЯКМ соотносятся с инструментальным подходом к языку (термин О. А. Корнилова), который, по мнению автора, можно свести к трем сторонам языка. «Язык как семиотический код, как знаковая система для шифровки информации. Язык как инструмент коммуникации, средство оформления и регулирования информационных потоков. Язык как инструмент мышления и познания, как пространство мысли (определение Ю. С. Степанова)» [Корнилов, 2003, с. 131]. Мы разделяем мнение лингвистов, считающих, что «сущность языка, – в той мере, в какой она вообще может открыться, – открывается не “инструментальному”, а философскому взгляду. Определение “Язык – дом бытия духа” остается в наши дни наиболее проникновенным» [Степанов, 1995, с. 28]. Язык совершенно очевидно выходит за рамки прагматического подхода, описанного в терминах «инструментальной лингвистики», поскольку является вмещителем духа народа, коллективным продуктом национального творчества, которым можно пользоваться не только для общения, получения, хранения и передачи информации, но и наслаждаться им, любоваться его богатством и неповторимостью. Данный подход к языку описывается в культурно-философских категориях и дополняет перечисленные подходы к языку, подчеркивая еще одну важную его ипостась – коллективное творение – «дом бытия духа народа», которую призвана отражать и сохранять для последующих поколений национальная языковая картина мира. Понятие национальной ЯКМ с учетом культурно-философского подхода к языку базируется на признании того факта, что «любой национальный язык является не только одной из кодовых систем общения и хранения информации, но и неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса, его коллективным органом самопознания собственной культуры на фоне пространственно-временного континуума» [Корнилов, 2003, с. 137].

Обыденное языковое сознание, формирующее национальную ЯКМ, имеет сложную структуру, которая, по мнению психологов, включает в себя минимум четыре сложноорганизованных компонента: логико-понятийный, эмоционально-оценочный, ценностно-нравственный и сенсорно-рецептивный. Преломившись

через языковое сознание, мир реальности трансформируется в отраженную реальность – субъективный образ, запечатленный в «матрицах» национального языка. Компоненты обыденного сознания оказываются определенным образом связанными с разными фрагментами национальной ЯКМ. Структура языкового сознания определяет структуру порождаемой им проекции объективного мира. Выделяемые в когнитивной лингвистике структурные компоненты ЯКМ характеризуют ее как содержательную структуру, состоящую из «квантов знаний» и отражающую опыт познания внеязыкового мира языковой личностью. В качестве таких «квантов знаний», или единиц описания языковой картины мира, рассматриваются ключевые идеи [Зализняк и др., 2003], семантические лейтмотивы [Апресян, 2006], концепты [Маслова, 2006; Скорнякова, 2008] и когнемы [Караулов, Филиппович, 2009], семантические поля [Цапенко, 2005], идеографические поля, построенные с учетом семантической соотносительности значений слов, являющихся отражением того или иного компонента обыденного сознания носителей языка [Шкуропаккая, Даваа, 2016]. Выделенные единицы описания ЯКМ представляют ее как «вещь в себе и для себя», подчеркивая ее статический характер. Они не дают представления о динамической сущности ЯКМ, не раскрывают способ ее поведения в речемыслительной деятельности носителей языка.

Анализ ЯКМ в динамическом аспекте позволяет рассматривать ее в качестве действующего лингвоментального компонента речевого мышления. Механизм этого действия описан в работах Н. Д. Голева и Н. Н. Шпилюной [Голев, Шпилюная, 2009; Шпилюная, 2014]. Процесс оязыкования фрагмента внеязыковой действительности авторы представляют в виде следующей динамической цепочки: картина мира – ЯКМ – текст. В данной цепочке «картина мира соответствует восприятию внеязыковой действительности, ЯКМ (“языковой мир”) – возбуждению некоторых схем текстопорождения, ассоциируемых с восприятием внеязыковой ситуации. Текст в этом случае выступает не только как продукт речемыслительной деятельности, но и непрерывным процессом, актуализирующим ЯКМ носителей языка» [Шпилюная, 2014, с. 200–201]. В качестве структурного компонента ЯКМ, представленной в динамическом аспекте, авторы рассматривают ментальную интенцию, которая, с одной стороны, опосредует восприятие внеязыковой ситуации языковой личностью и, с другой стороны, опосредует разворачивание текста. Ментальная интенция представляет собой исконную предрасположенность к тому или иному типу ментально-речевого поведения и у большинства носителей языка сохраняется и находит отражение в языковой памяти, схемах текстопорождения и речевых произведениях (текстах). В условиях спонтанного текстопорождения именно природная предрасположенность к определенному ментально-речевому поведению обнаруживает себя в качестве доминанты и максимально сближается с коммуникативной интенцией. «Фрагмент внеязыковой действительности становится текстовым фрагментом в том случае, если он “вторгается” в коммуникативный фокус носителей языка, в зону его потребностей, которые запускают механизм коммуникативной интенции (цели), предполагающей сообщение некоторого коммуникативного содержания адресату» [Там же, с. 205]. В цитируемом исследовании текст рассматривается как продукт речевой деятельности, опредмечивающий индивидуальную ЯКМ его автора. Каждый такой вариант ЯКМ рассматривается как лингвоментальная единица, определяющая тип речемыслительного поведения языковой личности. Текст фиксирует особенности ЯКМ его автора, имеющие лингвоперсонологическую природу.

В нашем исследовании динамическая модель описания ЯКМ применена к ее национальным разновидностям – национальной ЯКМ носителей монгольского и русского языков. В данном случае национальная ЯКМ рассматривается как лингвоментальный компонент национального речевого мышления, опосредующий процесс порождения текста носителями того или иного языка. Специфика

национального восприятия мира определяется национальной ЯКМ. При этом языковая личность носителя национального языка рассматривается нами в лингвоперсонологическом аспекте как национальный тип лингвоперсономы, как «типизированный вариант реализации лингвоперсономы в тексте, в котором актуализируются или нейтрализуются персоноразличительные признаки» [Мельник, 2014, с. 39].

Методика исследования

Перейдем к описанию методики исследования и полученного языкового материала. Основная гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: различным этническим группам могут быть свойственны разные типы организации речемыслительной деятельности, обусловленные типовыми качествами национальных ЯКМ, вследствие чего в ассоциативных полях слов на слова-стимулы, обозначающие одни и те же объекты в разных языках (в нашем случае это домашние животные), носителями этих языков могут быть даны разные типы ассоциаций.

Мы исходим из того, что выявление национальных ЯКМ возможно только при сопоставлении текстов носителей разных языков, осуществленном при максимально тождественных условиях. В нашем исследовании аналогом текстового материала являются ассоциативные поля слов, которые рассматриваются как продукты речемыслительной деятельности, опредмечивающие ЯКМ носителей национальных языков.

Для выявления роли национальной ЯКМ в структуре речемыслительной деятельности нами был проведен ассоциативный эксперимент, в ходе которого носителям двух языков – монгольского и русского – были предложены анкеты, содержащие вопрос: какие ассоциации вызывает у вас данное слово? Мы не вводили какие-либо ограничения на словесные реакции, и, поскольку носители языка, как правило, давали одну реакцию на слово-стимул, мы сочли возможным включить в исследуемый материал весь состав полученных реакций.

Языковую базу исследования составили 1 000 ответов на десять слов-стимулов носителей русского языка и 1 000 ответов на те же слова-стимулы носителей монгольского языка. В качестве стимулов использовали русские и монгольские слова, относящиеся к тематической группе «Домашние животные»: *собака, як, верблюд, коза, корова, кошка, кролик, лошадь, овца, свинья; нохой, сарлаг, тэмээ, хонь, үнээ, ямаа, муур, морь, гахай, туулай*.

При обработке материала ответы носителей языка были сохранены в том виде, в каком они были зафиксированы в анкетах, за исключением явных описок и орфографических ошибок. Слова-синонимы и синонимические сочетания слов, а также грамматические формы слов рассматривались нами в качестве разных реакций и в ассоциативном поле располагались в порядке частотности. В качестве первоначальной цели ассоциативного эксперимента было выполнено построение ассоциативных полей. Далее ассоциативные поля анализировались нами по нескольким параметрам, в которых получили отражение различные виды отношения национальной языковой личности ко внеязыковой действительности. В заключение был выполнен сопоставительный анализ двух национальных ЯКМ и сделаны выводы.

Результаты исследования

В лингвоперсонологических исследованиях разработан терминологический аппарат для описания ЯКМ, который позволяет исследовать ее в качестве механизма, детерминирующего речемыслительную деятельность носителей языка. В ка-

честве параметров, находящихся в основе речемыслительной деятельности языковой личности, рассматриваются референтная, метареферентная и модальная отнесенность ЯКМ [Голев, Шпильная, 2009]. Используя данные понятия, мы адаптируем их применительно к особенностям нашего материала. Под референтной отнесенностью речемыслительной деятельности в лингвоперсонологии понимается «соотнесение лингвоментальных представлений языковой личности с тем или иным аспектом внеязыковой действительности, активизирующее определенные схемы текстопорождения» [Шпильная, 2014, с. 213]. Слова-стимулы являются обозначением определенных референтов и содержат знания об этих референтах. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «поскольку каждый объект знаком человеку через деятельность с ним, его обозначение “тянет” за собой образ ситуации использования референта в этой деятельности. Слово-стимул поэтому изучается не только при исследовании вербальных ассоциаций, но и воспоминаний о типовых ситуациях использования объекта, обозначенного данным словом, в предыдущем опыте коллектива говорящих на этом языке» [Кубрякова, 1991, с. 102]. В качестве аспектов внеязыковой действительности нами рассматриваются тип пропозиций, получивших отражение в объективном содержании конструкции, представленной парой «стимул – реакция». При характеристике пропозиций мы использовали классификацию пропозиций, разработанную Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1988]. Ассоциативный материал позволил выделить событийный и логический виды референтной ЯКМ в зависимости от ее ориентации на тип пропозиции, отраженной в объективном содержании высказывания, представленного парой «стимул – реакция». Событийная разновидность ЯКМ характеризуется ментальной интенцией, связанной с актуализацией какого-либо фрагмента внеязыковой действительности. Например: *собака – лай, будка, охрана, лает, дом, зубы, двор, кошка, охранник, ошейник, палка* и т. п. Логическая разновидность ЯКМ характеризует ситуацию ментальных операций, производимых человеком (приписывание признака предмету, оценка, номинация, классификация и т. п.): *собака – друг, верность, овчарка, бездомная, блохастая, верная, верный друг, дворняга, добродушная, домашнее животное* и т. д.

В качестве иллюстрации далее приведен анализ двух слов: *коза* и *ямаа* ‘коза’, а затем представлен сводный анализ всех слов данной группы.

В ассоциативном поле русской языковой личности ассоциации на слово *коза* распределились следующим образом:

1) событийные: *рога* (33)¹, *молоко* (10), *козел* (6), *борода* (5), *травя, шерсть* (по 4), *бодает, деревня, забор, рожки* (по 2), *горы, большие рога, вред, капуста, доить, дорога, копыта, огород, пасется, полянка, прыгать, пух, с рогами, сказка, хозяин* (по 1). Всего 85 реакций;

2) логические: *рогатая* (3), *белая, дрезга* (по 2), *вредная, глупость, дойная, животное, капризная, лягушка, маленькая, наглость, невежество, овца, упертость, упорство, упрямство, утонченная, хитрая* (по 1). Всего 22 реакции.

В ассоциативном поле монгольской языковой личности содержатся следующие типы пропозиций:

1) событийные: *ишиг* ‘козленок’ (11), *сахал, сахалтай* ‘борода, бородатый’ (6), *эвэр* ‘рога’, *ноолуур* ‘пух’, *хад* ‘скала, утес’, *сүү нь гоё* ‘вкусное молоко’, *майлах* ‘блеять’, *ишиглэх* ‘заводить козленка’, *мөргөх* ‘бодать’, *мөргөдөг бас саадаг* ‘бодает и ее доят’, *ууланд гардаг* ‘лазить на гору’, *сүү уух* ‘пить молоко’, *ямаа майлах* ‘блеяние’, *мөөрөх* ‘мычать’, *эвэртэй* ‘с рогами’, *сүүл* ‘хвост’, *хоёр хөхтэй* ‘с двумя грудями’, *ямааны эвэр* ‘козьи рога’, *хоргол* ‘помёт’, *сүү* ‘молоко’, *мах* ‘мясо’, *сүү нь өтгөн* ‘густое молоко’, *ноолуур нь үнэтэй* ‘дорогой пух’, *ухна* ‘козел-про-

¹ В скобках указано количество одинаковых реакций на слово-стимул.

изводитель', *сүрэг* 'отара', *дээс* 'волосяная веревка', «*Тэхийн зогсоол*» *найраглал* 'поэма, стихотворение «Стоянка дикой козы»' (по 1). Всего 42 реакции;

2) логические: *сахал*, *сахалтай* 'борода, бородатый' (6), *янгир* 'дикая коза' (5), *хонь* 'овца' (4), *мал* 'животное' (3), *таван хошуу мал* 'пять видов скота' (2), *тэмээ* 'верблюд', *ярдаг* 'капризный', *ямааны мах халуун дээрээ* 'пока мясо козы горячо (решать проблему прямо на месте и быстро)', *бог мал* 'крупный рогатый скот', *бог* 'мелкий рогатый скот', *барихад номхон* 'спокойный, когда трогают', *идэмхий* 'жадный к еде', *тэнэг* 'глупый', *сэргэлэн* 'шустрый', *гэрийн тэжээмэл хамгийн даруухан биш амьтан* 'самое беспокойное домашнее животное', *хүмүүсийн нэг* 'одно из животных', *ямаа нь бог мал* 'коза – мелкое рогатое животное', *шүдлэн* 'трехгодовалый (о скоте)', *ээрэм талын мангас эр эмгүй сахалтай* 'самец и самка, монстр просторной степи с усами' (по 1). Всего 34 реакции.

Анализ показал, что в ассоциативном поле слова *коза* событийные пропозиции в 3,69 раза превышают логические пропозиции, а в ассоциативном поле слова *ямаа* событийные пропозиции превышают логические в 1,31 раза. Таким образом, у русской языковой личности в ассоциативном эксперименте со словом *коза* чаще в памяти актуализируется фрагмент действительности, связанный с данным животным. Монгольская языковая личность в этих же условиях ориентируется почти в одинаковой мере как на внеязыковую действительность, связанную с данным животным, так и на связанные с ним ситуации мыслительных операций.

Следующей характеристикой национальной ЯКМ как компонента речемыслительной деятельности является ее метареферентная отнесенность. В лингвоперсонологии под метареферентной отнесенностью понимается «соотнесение лингвоментальных представлений языковой личности не столько с тем или иным аспектом внеязыковой действительности, сколько со сферой мышления о ней, активизирующее определенные схемы текстопорождения. Выделение класса метареферентных ЯКМ опирается на способ включения внеязыковой ситуации в фокус видения языковой личности: рациональный или эмоциональный (чувствующий)» [Шпильная, 2014, с. 219]. С учетом специфики языкового материала в нашем исследовании под метаязыковой отнесенностью понимается соотнесение лингвоментальных представлений языковой личности с внутренним (ментальным) лексиконом, активизирующее определенные схемы текстопорождения. Мы разделяем точку зрения ученых, которые рассматривают ментальный лексикон как механизм когнитивной переработки информации, акцентируя при этом внимание на динамических характеристиках данного объекта. Такими свойствами обладает ментальный лексикон в концепции А. А. Залевской: «Лексикон – лексический компонент речевой организации человека, обладающий ее свойствами, то есть он понимается не как пассивное хранилище сведений о языке, а как динамическая, функциональная система, самоорганизующаяся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» [Залевская, 1999 с. 154]. Во внутреннем лексиконе ученые выделяют два основных принципа его организации, соотносящихся с направлениями ассоциирования, выделенными Н. В. Крушевским: логика упорядочения человеком знаний о мире и логика хранения знаний об особенностях оперирования словом в речи [Крушевский, 1998]. С данными направлениями ментального ассоциирования в ассоциативном поле слова связаны реакции двух типов: экстралингвистические и лингвистические. Первые основываются на отражении сознанием объективного мира, вторые основываются на лингвистической природе слова-стимула: на его контекстуальном окружении (ассоциации по смежности, или синтагматические) и на парадигматических отношениях с другими единицами языка (ассоциации по сходству). Очевидно, что экстралингвистические и лингвистические ассоциации возникают в результате разных механизмов ассоциирования. Метареференты, ориентированные на системные отношения слов

в языке, в дальнейшем называются системными метареферентами, а метареференты, ориентированные на ситуативные связи объектов, именуются ситуативными метареферентами. Перейдем к анализу слов *коза* и *ямаа* с целью выявления метареферентной отнесенности ЯКМ, получившей отражение в ассоциативных полях данных слов.

В русской ЯКМ к числу ситуативных метареферентов относятся следующие: *рога* (33), *молоко* (10), *борода* (5), *травя, шерсть* (по 4), *деревня, забор, рожки* (по 2); *горы, большие рога, вред, капуста, дорога, копыта, огород, полянка, прыгать, пух, сказка, хозяин, глупость, наглость, невежество, упертость, упорство, упрямство* (по 1). Всего 80 реакций;

К числу системных метареферентов относятся: *козел* (6), *рогатая* (3), *бодает, белая, дореза* (по 2), *доить, пасется, с рогами, вредная, дойная, животное, капризная, лягушка, маленькая, овца, утонченная, хитрая* (по 1). Всего 27 реакций.

В ассоциативном поле слова *ямаа* встретились следующие типы метареферентов:

ситуативные: *ишиг* ‘козленок’ (11), *сахал, сахалтай* ‘борода, бородатый’ (6), *эвэр* ‘рога’, *ноолуур* ‘пух’, *хад* ‘скала, утес’, *сүү нь гоё* ‘вкусное молоко’, *майлах* ‘блеять’, *ишиглэх* ‘заводить козленка’, *мөргөх* ‘бодать’, *ууланд гардаг* ‘лазить на гору’, *сүү уух* ‘пить молоко’, *ямаа майлах* ‘блеяние’, *мөөрөх* ‘мычать’ *сүүл* ‘хвост’, *ямааны эвэр* ‘козьи рога’, *хоргол* ‘помёт’, *сүү* ‘молоко’, *мах* ‘мясо’, *сүү нь өтгөн* ‘густое молоко’, *ноолуур нь үнэтэй* ‘дорогой пух’, *ухна* ‘козел-производитель’, *сүрэг* ‘отара’, *дээс* ‘волосяная веревка’, «*Тэхийн зогсоол*» *найраглал* ‘поэма, стихотворение «Стоянка дикой козы»’ (по 1). Всего 39 реакций;

системные: *сахал, сахалтай* ‘борода, бородатый’ (6), *янгир* ‘дикая коза’ (5), *хонь* ‘овца’ (4), *мал* ‘животное’ (3), *таван хошуу мал* ‘пять видов скота’ (2), *тэмээ* ‘верблюд’, *ярдаг* ‘капризный’, *бог мал* ‘крупный рогатый скот’, *бог* ‘мелкий рогатый скот’, *барихад номхон* ‘спокойный, когда трогают’, *идэмхий* ‘жадный к еде’, *тэнэг* ‘глупый’, *сэргэлэн* ‘шустрый’, *эвэртэй* ‘с рогами’, *хоёр хөхтэй* ‘с двумя грудями’, *гэрийн тэжээмэл хамгийн даруухан биш амьтан* ‘самое беспокойное домашнее животное’, *ТХМН* ‘один из пяти видов скота’, *хүмүүсийн нэг* ‘одно из животных’, *ямаа нь бог мал* ‘коза – мелкое рогатое животное’, *шүдлэн* ‘трехгодовалый (о скоте)’ (по 1). Всего 36 реакций.

Количественные характеристики свидетельствуют о том, что в ассоциативном поле русской языковой личности ситуативные метареференты в 2,85 раза превышают системные метареференты, а в ассоциативном поле монгольской языковой личности количество ситуативных метареферентов лишь незначительно превышает количество системных метареферентов (разница составляет 1,08). Это означает, что при текстопорождении русская языковая личность ориентируется в большей степени на знания о мире, а монгольская языковая личность в данном конкретном случае примерно в одинаковой степени опирается на знания об объективном мире и о связях слов в языке (в синтагматике и парадигматике). Сразу же отметим, что для монгольской языковой личности это не типичный результат. Суммарный результат, полученный на основе анализа всего объема материала, обнаруживает другую тенденцию.

Еще одним показателем национальной ЯКМ, характеризующим ее как речемыслительную категорию, является модальная отнесенность. В лингвоперсонологии под модальной отнесенностью ЯКМ понимаются «способы текстового представления внеязыковой ситуации, ориентированные на тот или иной тип концептуальной адаптации языковой личности к внеязыковому миру» [Шпиляная, 2014, с. 224]. Данные способы принято называть модальными референтами, среди которых выделяются номинативная и образная разновидности. В первом случае носитель языка с денотативной точностью отображает внеязыковой мир, во втором – внеязыковая действительность актуализируется в образно-выразительной

точности, с приращениями образного характера. Используя данные термины, мы, в соответствии с анализируемым материалом, будем вкладывать в них следующее содержание. Термином «номинативный модальный референт» обозначается способ актуализации мира, при котором в центре находится типичная для денотата ситуация функционирования, актуализация его сущностных признаков, а также результаты данной актуализации. Например: *собака – охрана, лает, овчарка, сторож, кошка, кусает, охранник, бездомная, блохастая, верная*. Под образными модальными референтами понимается способ видения, при котором актуализируется эмоционально-оценочная или национально-культурная коннотация. Например: *собака – добро, добродушная, красота, радость, амулет, му-му*.

Анализ ассоциативных полей слов *коза* и *ямаа* показал, что в обеих национальных ЯКМ преобладающими являются ассоциации, характеризующиеся номинативной отнесенностью модального референта. Это обусловлено характером анализируемых лексических единиц, которые относятся к тематической группе слов с конкретной семантикой. Поэтому назовем только те ассоциации, в которых представлен образный способ актуализации денотата. В ассоциативном поле слова *коза* к ним относятся следующие ассоциации: *дереза (2), вредная, вред, глаза поперек, дерезы, глупость, женщина, девушка, сделавшая что-то не то, капризная, наглость, невежество, сказка, упертость, упорство, упрямство, утонченная, хитрая* (по 1). Всего 17 реакций.

В ассоциативном поле слова *ямаа* к ним относятся следующие ассоциации: *сүү нь гоё* ‘вкусное молоко’, *ярдаг* ‘капризный’, *ямааны мах халуун дээрээ* ‘пока мясо козы горячо (решать проблему прямо на месте и быстро)’, *идэмхий* ‘жадный к еде’, *тэнэг* ‘глупый’, *сэргэлэн* ‘шустрый’; *ноолуур нь үнэтэй* ‘дорогой пух’, *гэрийн тэжээмэл хамгийн даруухан биш амьтан* ‘самое беспокойное домашнее животное’, «*Тэхийн зогсоол*» *найраглал* ‘поэма, стихотворение «Стоянка дикой козы»’, *ээрэм талын мангас эр эмгүй сахалтай* ‘самец и самка монстр просторной степи с усами’ (по 1). Всего 10 реакций.

В ассоциативном поле русской языковой личности образных ассоциаций встретилось в 1,7 раза больше, чем в ассоциативном поле монгольской языковой личности. Это свидетельствует о том, что монгольская языковая личность в большей степени, чем русская, при ассоциировании склонна ориентироваться на способ восприятия мира, при котором с денотативной точностью актуализируется информация об объективных свойствах животного.

Результаты проанализированного таким образом всего объема языкового материала отражены в таблице.

Для первых двух случаев проведен факторный дисперсионный анализ (ANOVA) со следующими независимыми переменными ²:

1. Тип языка (русский, монгольский).
2. Тип пропозиции (логическая, событийная) – для первого случая.
3. Тип метареферента (системный, ситуативный) – для второго случая.

² Дисперсионный анализ представляет собой один из методов математической статистики, который позволяет говорить о наличии или отсутствии различий между сравниваемыми группами по какому-либо признаку.

Для всех расчетов приводятся показатели силы эффекта *F* и оценки значимости различий между группами *p*.

Выделяется несколько пороговых уровней значимости величины *p*: $p < 0.05$, $p < 0.01$, $p < 0.001$ (ряд приведен в соответствии с усилением силы значения показателя). Если итоговое значение *p* меньше указанных уровней значимости, можно говорить о наличии статистически значимых различий между исследуемыми группами. На рис. 2, 3 пороговые значения соответствуют *** – $p < 0.001$.

Данные референтного анализа ассоциативных полей русских и монгольских слов, относящихся к тематической группе «Домашние животные»

The data of the reference analysis of the associative fields of Russian and Mongolian words related to the thematic group «Domestic animals»

Слово-стимул	Разновидности ЯКМ				
	Референты		Метареференты		Модальные референты
	событийные	логические	ситуативные	системные	
Русские лексемы					
Корова	98	22	94	24	13
Лошадь	63	40	46	51	12
Собака	62	58	59	60	48
Коза	85	23	80	28	17
Свинья	83	17	79	19	61
Верблюд	112	17	111	15	10
Овца	93	29	83	39	16
Як	56	37	75	40	8
Кролик	75	21	72	24	20
Кошка	68	34	66	35	18
Всего	795	298	765	335	223
Монгольские лексемы					
Үнээ ‘корова’	60	42	34	68	5
Морь ‘лошадь’	62	60	41	65	8
Нохой ‘собака’	42	32	40	35	19
Ямаа ‘коза’	42	34	39	36	10
Гахай ‘свинья’	37	45	37	66	35
Тэмээ ‘верблюд’	71	42	49	65	8
Хонь ‘овца’	72	30	43	59	14
Сарлаг ‘як’	66	55	56	65	16
Туулай ‘кролик’	53	64	45	76	25
Муур ‘кошка’	61	38	40	59	18
Всего	566	442	424	594	158

В качестве зависимой переменной выступило количество наблюдаемых единиц.

График для событийной и логической пропозиции в русском и монгольском языках представлен на рис. 1.

$$F(1,36) = 17,721; \quad p = 0,00016.$$

На графике можно видеть значимое различие между числом логических и событийных пропозиций в русском языке и его отсутствие в монгольском языке.

График для ситуативных и системных метареферентов в русском и монгольском языках представлен на рис. 2.

$$F(1, 36) = 47,902; \quad p = 0,00000.$$

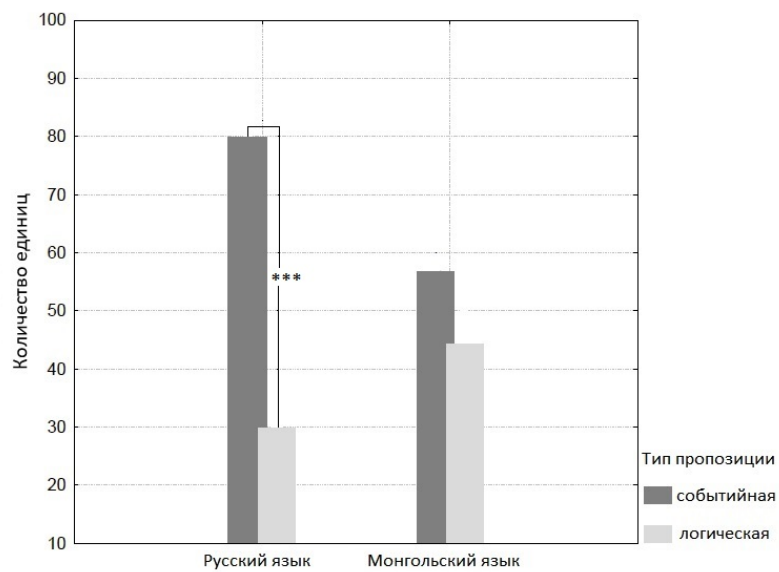

Рис. 1. Соотношение событийных и логических пропозиций в ассоциативных полях русских и монгольских слов, обозначающих домашних животных
Fig. 1. The ratio of eventive and logical propositions in the associative fields of Russian and Mongolian words denoting domestic animals

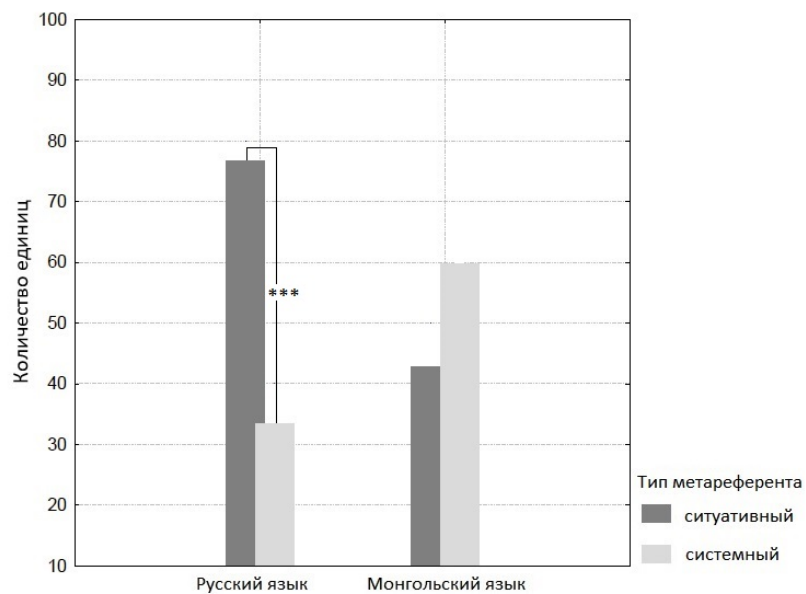

Рис. 2. Соотношение ситуативных и системных метареферентов в ассоциативных полях русских и монгольских слов, обозначающих домашних животных
Fig. 2. The ratio of situational and systemic meta-referents in the associative fields of Russian and Mongolian words denoting domestic animals

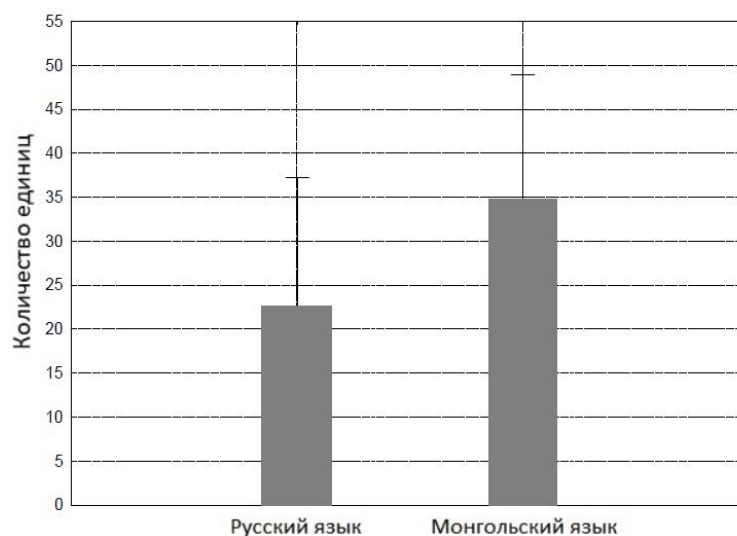

Рис. 3. Соотношение модальных референтов в ассоциативных полях русских и монгольских слов, обозначающих домашних животных
Fig. 3. The ratio of modal referents in the associative fields of Russian and Mongolian words denoting domestic animals

На графике видно, что существует статистически значимое различие в количестве ситуативных и системных метареферентов в русском языке. При этом количество ситуативных превышает количество системных метареферентов. Для монгольского языка также можно наблюдать значимое различие между количеством указанных типов референтов (анализ *t*-критерия для независимых выборок (критерий Стьюдента) $p = 0.03$), однако количество системных метареферентов превышает количество ситуативных.

Мы провели также статистический анализ соотношения между модальными референтами в двух анализируемых языках и выяснили, что статистически значимой разницы между количеством модальных референтов в русском и монгольском языках не наблюдается. График для модальных референтов в русском и монгольском языках представлен на рис. 3.

$$F(1, 19) = 0,35579; \quad p = 0,55790$$

На графике можно видеть отсутствие статистически значимого различия между числом модальных референтов в русском и монгольском языках (так как $p > 0.5$). Однако можно говорить о паттерне преобладания анализируемых единиц в русском языке по сравнению с монгольским.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать несколько важных выводов. Вариативность текстов (ассоциативных полей), созданных монгольской и русской языковыми личностями, проявилась в таких параметрах глубинной организации речемыслительной деятельности, определенченной в тексте, как референтная, метареферентная и модальная отнесенность национальной ЯКМ.

Наиболее четко просматриваются следующие тенденции:

- Значительное превышение событийных пропозиций над логическими в ассоциативных полях слов русского языка, обозначающих домашних животных, свидетельствует об ориентации русской языковой личности на воспоминание о типовых ситуациях использования объекта, обозначенного данным словом, в предыдущем опыте говорящих на данном языке. Паритетное соотношение событийных и логических пропозиций в национальной ЯКМ носителей монгольского языка свидетельствует о том, что данные языковые личности в аналогичных условиях ориентируются почти в одинаковой мере как на внеязыковую действительность, так и на связанные с данными денотатами ситуации мыслительных операций.

- Превышение ситуативных метареферентов в ассоциативных полях слов, обозначающих домашних животных, в русском языке над системными метареферентами свидетельствует о том, что в условиях спонтанного текстопорождения русская языковая личность ориентируется в большей степени на знания о мире. В ассоциативных полях с теми же словами в монгольском языке наблюдается статистически заметное превышение системных метареферентов над ситуативными метареферентами. Это означает, что монгольская языковая личность при ассоциировании чаще обращается к знаниям о связях слов в языке и речи.

Оба вывода подтверждены данными факторного дисперсионного анализа.

- Образные модальные референты в изученном фрагменте русской ЯКМ количественно преобладают над образными модальными референтами в составе фрагмента монгольской ЯКМ, однако статистически значимая разница между количеством модальных референтов в двух национальных ЯКМ отсутствует.

Таким образом, вербальные реакции, полученные на слова-стимулы от носителей русского и монгольского языков, отражают их природную расположенность к определенному ментально-речевому поведению при ассоциировании. Вместе с тем исследование в данном направлении необходимо продолжить с учетом других стимулов и других видов языкоречевой деятельности носителей национальных ЯКМ.

Список литературы

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры: Вост. лит., 1995. 767 с.
- Апресян Ю. Д.* Основные принципы и понятия системной лексикографии // Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др.; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 33–75.
- Голев Н. Д., Шпиляная Н. Н.* Языковая картина мира как ментальный компонент речемыслительной деятельности // Ментальность и изменяющийся мир: Коллективная моногр.: К 75-летию В. В. Колесова / Отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 424–433.
- Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
- Залевская А. А.* Введение в психолингвистику. М., 1999. 382 с.
- Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
- Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М., 2009. 336 с.
- Кибрик А. Е.* Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 604–608.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003, 349 с.

Крушевский Н. В. Очерк науки и о языке // Избранные работы по языкознанию. Сост. Ф. М. Березин. М.: Наследие, 1998. С. 96–222.

Кубрякова Е. С. Слово как центральная единица внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.

Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2006. 296 с.

Мельник Н. В. Текстовое моделирование языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / Под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. С. 33–80.

Одинцова М. П. Образы человека-пространства в языковой картине мира и в русской поэтической речи // Художественный текст: единицы и уровни организации: Сб. науч. тр. Омск, 1991. С. 63–69.

Радченко О. А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1. М., 1997. 312 с.

Серебрянников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 244 с.

Скорнякова Р. М. Принципы моделирования языковой картины мира. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 400 с.

Степанов Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца XX века. М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 1995. С. 7–34.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып 1. С. 135–168.

Цапенко С. А. Семантическое поле как единица описания языковой картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирование языковой картины мира: Сб. науч. тр. Вып 2. / Отв. ред., сост. Т. В. Симашко. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2005. С. 162–168.

Шкуропатская М. Г., Даваа У. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. № 1(39). С. 80–95.

Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 54 с.

Шпильная Н. Н. Тип языковой картины мира как фактор варьирования схем речемыслительной деятельности языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / Под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. С. 197–245.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М.: Гнозис, 1994. 344 с.

M. G. Shkuropatskaya¹, U. Davaa²

¹ *Altay State Humanities and Education University, Biysk
Russian Federation, marina-shkuropac@mail.ru*

² *Khovd State University, Khovd, Mongolia, undaraa_0720@yahoo.com*

**National linguistic world-image
in mental-speech activity of Mongolian and Russian native speakers
(comparative study)**

The paper presents the results of a comparative analysis of the fragments of the Mongolian and Russian national linguistic worldviews. Linguistic world-image is considered as a component

of the national mental linguistic consciousness that mediates the text processes. Thus, our research interest is focused on the problem of text generation and perception of the text, but not on the internal organization of the text. This study presents the following parameters of the organization of mental-speech activity of linguistic identity: referential relatedness, meta-referential relatedness and the relatedness of the modal linguistic picture of the world. A survey of native speakers of Russian and Mongolian languages is used as a research method. The linguistic material is described through associative fields of words of the thematic group «domestic animals».

Factorial analysis (two-way ANOVA) by selected parameters reveals significant differences in the national language pictures of the world. A conclusion is made that verbal reactions to words-stimuli reflect their natural disposition to a certain mental-speech process. A significant predominance of event propositions over the logical ones in the associative fields of the Russian words is indicative of the orientation of Russian linguistic personality in the memories of typical situations using the object denoted by this word. The same number of eventive and logical propositions is observed in the Mongolian national linguistic worldview, suggesting that these linguistic persons are guided both by the non-linguistic reality and the situation of mental operations associated with these denotations. There is an excess of the number of situational meta-referents over systemic meta-referents in the Russian language, indicating that the Russian linguistic personality is oriented more toward the knowledge about the world in conditions of spontaneous text generation. There is a statistically significant excess of system meta-referents over situational meta-referents in associative fields with the same words in Mongolian. This fact means that the Mongolian linguistic personality more often refers to the knowledge about the connections of words in language and speech. Imaginary modal referents quantify in the Russian language picture of the world in comparison with the Mongolian language picture of the world. All the conclusions of the authors are supported by statistical analysis.

Keywords: Linguistic world-image, language person, Russian language, Mongolian language, associative fields of the words, pets.

DOI 10.17223/18137083/63/13

References

- Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy. T. 2: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Integral description of the language and systemic lexicography]. Moscow, LRC Publ. house, Vost. lit., 1995, 767 p.
- Apresyan Yu. D., Osnovnye printsipy i ponyatiya sistemnoy leksikografii [Basic principles and concepts of systemic lexicography]. In: *Russkaya yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya* [Russian language picture of the world and systemic lexicography]. V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, E. E. Babaeva, et al.; Yu. D. Apresyan (Ed.). Moscow, LRC Publ. house, 2006, pp. 33–75.
- Golev N. D., Shpil'naya N. N. Yazykovaya kartina mira kak mental'nyy komponent reche-myslitel'noy deyatel'nosti [The language picture of the world as a mental component of speech-thinking activity]. In: *Mental'nost' i izmenyayushchiysya mir: Kollektivnaya monogr.: K 75-letiyu V. V. Kolesova* [Mentality and a changing world: A collective monograph: to the 75th anniversary of V. V. Kolesova]. M. V. Pimenova (Ed.). Sevastopol, Ribest, 2009, pp. 424–433.
- Gumbol'dt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress, 1985, 451 p.
- Karaulov Yu. N. *Obshchaya i russkaya ideografiya* [General and Russian ideography]. Moscow, Nauka, 1976, 355 p.
- Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N. *Lingvokul'turnoe soznanie russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovanie sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguocultural consciousness of the Russian linguistic identity. Modeling of state and functioning]. Moscow, 2009, 336 p.
- Kibrik A. E. Yazyk [Language]. In: *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, pp. 604–608.
- Kornilov O. A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov. 2-e izd., ispr. i dop.* [Language picture of the world as derivatives of national mentalities. 2nd ed. corr. and comp.]. Moscow, CheRo, 2003, 349 p.
- Krushevskiy N. V. Ocherk nauki i o yazyke [Essay science and the language]. In: *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow, Nasledie, 1998, pp. 96–222.

- Kubryakova E. S. Slovo kak tsentral'naya edinitsa vnutrennego leksikona [The word as the Central unit of the internal lexicon]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazyk i porozhdenie rechi* [The Human factor in language: Language and speech production]. Moscow, Nauka, 1991, 240 p.
- Maslova V. A. *Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Flinta, 2006, 296 p.
- Mel'nik N. V. Tekstovoe modelirovanie yazykovoy lichnosti [A textual modeling language personality]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic personality: Modeling, typology, painting. Siberian lingopersonology. Pt 1]. N. D. Golev, N. N. Shpil'naya (Eds). Moscow, Lenand, 2014, pp. 33–80.
- Odintsova M. P. Obrazy cheloveka-prostranstva v yazykovoy kartine mira i v russkoy poeticheskoy rechi [Images of man-space in language picture of the world and in the Russian poetic speech]. In: *Khudozhestvennyy tekst: edinitsy i urovni organizatsii: Sb. nauch. tr.* [Artistic text: units and levels of the organization: Coll. of sci. works]. Omsk, 1991, pp. 63–69.
- Radchenko O. A. *Yazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtiansstva. T. 1* [Language as world creation. Linguophilosophical concept of neohumanist. Vol. 1]. Moscow, 1997, 312 p.
- Serebrennikov B. A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshlenie* [The role of human factor in language. Language and thought]. Moscow, Nauka, 1988, 244 p.
- Skornyakova R. M. *Printsipy modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* [Principles of modeling language picture of the world]. Tomsk, TGPU, 2008, 400 p.
- Stepanov Yu. S. Izmenchivyy "obraz yazyka" v nauke XX veka [Changeable "image of the language" in science of the 20th century]. In: *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and science of the late 20th century]. Moscow, RSHU, 1995, pp. 7–34.
- Shkuropatskaya M. G., Davaa U. Natsional'naya yazykovaya kartina mira kak komponent yazykovogo soznaniya russkoy i mongol'skoy yazykovoy lichnosti (sopostavitel'nyy aspekt) [National language picture of the world as a component of language consciousness of Russian and Mongolian language personality (comparative aspect)]. *Tomsk State Univ. Journal of Philology*. 2016, no. 1(39), pp. 80–95.
- Shmeleva T. V. *Semanticheskyy sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, KGU, 1988, 54 p.
- Shpil'naya N. N. Tip yazykovoy kartiny mira kak faktor var'irovaniya skhem rechemyslitel'noy deyatel'nosti yazykovoy lichnosti [Type of the language picture of the world as a factor in the variation of schemes of the speech-activity of the linguistic personality]. In: *Yazykovaya lichnost': Modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic personality: Modeling, typology, painting. Siberian lingopersonology. Pt 1]. N. D. Golev, N. N. Shpil'naya (Eds). Moscow, Lenand, 2014, pp. 197–245.
- Tsapenko S. A. Semanticheskoe pole kak edinitsa opisaniya yazykovoy kartiny mira [Semantic field as the unit description language picture of the world]. In: *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovanie yazykovoy kartiny mira: Sb. nauch. tr. Vyp 2*. [Problems of conceptualization of reality and modeling of the language picture of the world: Coll. of sci. works]. T. V. Simashko (Ed.). Arkhangel'sk, Pomorskiy universitet, 2005, pp. 162–168.
- Uorf B. L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The ratio of the norms of behavior and thinking to the language]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Izd. inostr. lit., 1960, iss. 1, pp. 135–168.
- Yakovleva E. S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira. Modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya* [Fragments of Russian language picture of the world. The models of space, time and perception.]. Moscow, Gnozis, 1994, 344 p.
- Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. Moscow, 1999, 382 p.
- Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st.* [Key ideas of the Russian language picture of the world: Coll. of art.]. Moscow, LRC Publ. house, 2005, 544 p.